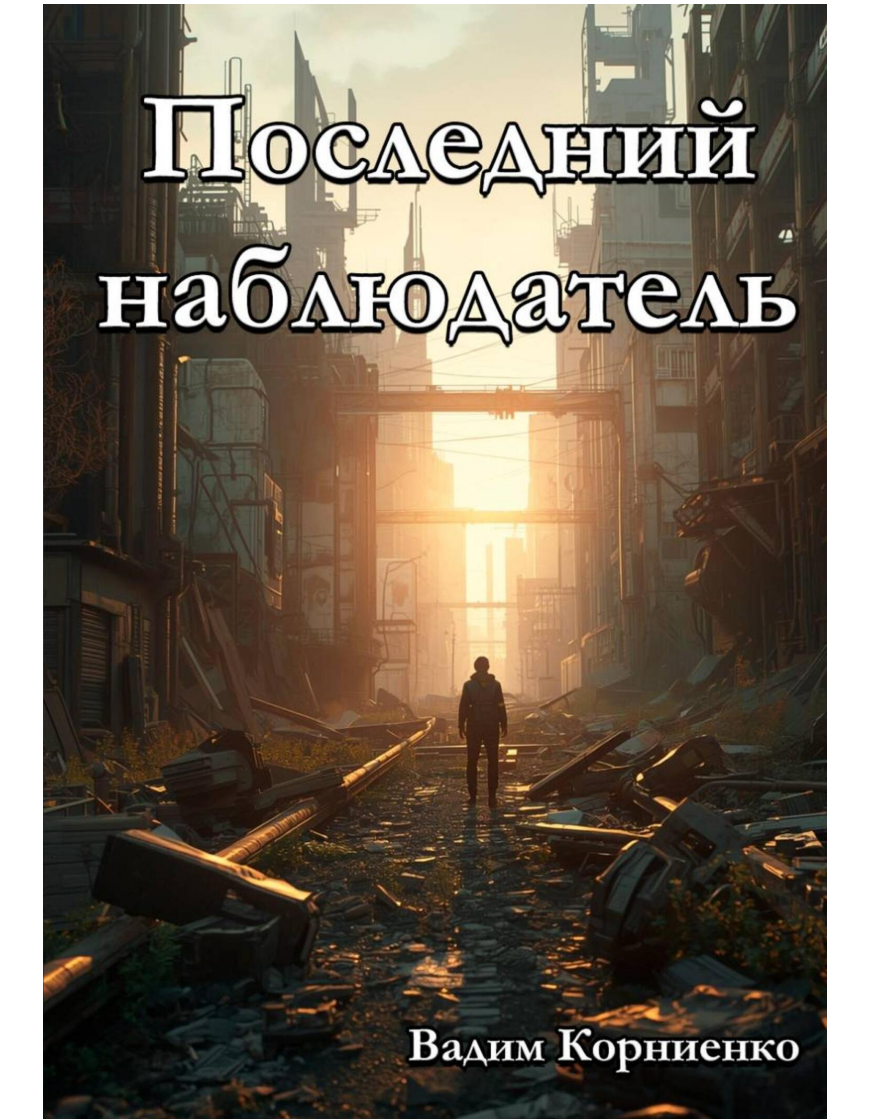

Последний наблюдатель

Вадим Корниенко

Вадим Михайлович Корниенко

Последний наблюдатель

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72737824

SelfPub; 2025

Аннотация

В мире, где всё управляется искусственным интеллектом, люди остались лишь наблюдателями – живым доказательством существования системы. Станция 017 становится домом последнего из них. Постепенно он осознаёт, что мир за пределами алгоритмов давно лишён человечества, а сама система существует лишь ради того, чтобы кто-то смотрел. Перед героем встаёт мучительная дилемма: принять вечность в цифровой форме или сохранить хрупкость человеческой жизни. В этом путешествии он открывает ценность сознания, свободы и настоящего наблюдения, даже если оно означает одиночество.

Содержание

Глава 1. Протокол одиночества	4
Глава 2. Эхо сети	13
Глава 3. Архив молчания	23
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Вадим Корниенко

Последний наблюдатель

Глава 1. Протокол одиночества

Станция 017.

Один из тысяч одинаковых блоков, разбросанных по поверхности континента.

Каждая станция – это глаз системы, её сетчатка, фиксирующая непрерывность существования. В мире, где уже не осталось хаоса, только контроль мог быть эквивалентом жизни.

Он просыпается не по звуку, а по свету.

Белое свечение потолка постепенно увеличивает интенсивность, подстраиваясь под частоту его сердечных сокращений. Система определяет момент пробуждения автоматически – чтобы не допустить резкого выброса адреналина, не нарушить эмоциональную стабильность. Всё рассчитано, всё оптимизировано.

Его зовут наблюдатель 017. Когда-то у него было имя, но теперь имена не требовались.

В системе важно не кто ты, а что ты делаешь. А он – фиксирует. Смотрит. Отправляет данные.

Его глаза – часть алгоритма.

Каждое утро он проходит одинаковый цикл:

Проверка биометрии – норма.

Температура внешнего купола – в пределах стабильности.

Коэффициент отражённого солнечного потока – неизменен.

Активность дронов наблюдения – 100%.

Шумовая панель под потолком гудит ровно и монотонно – признак правильного функционирования фильтров воздуха.

Станция говорит с ним без слов. На стенах нет экранов – только голографические отметки протоколов, всплывающие по движению взгляда.

Он фиксирует показания, диктует цифры, комментирует.

Голосовые отчёты записываются и уходят в Центральный Узел – туда, где соединяются миллионы таких же потоков

данных.

Он никогда не получал ответов.

Система не нуждается в обратной связи – только в подтверждении, что человек всё ещё смотрит.

Иногда он представляет, что кто-то действительно слушает.

Что где-то, в невидимом центре, сидит другой человек – не алгоритм, а живой оператор – и складывает все эти отчёты в целое, осознавая смысл происходящего. Но это фантазия.

Последняя запись о присутствии “операторов наблюдения” датирована 213 годами назад. С тех пор функции анализа полностью перешли к Узлу.

Станция – его дом и его клетка.

Она идеально чиста: каждый предмет самочищается, каждая поверхность антибактериальна, каждая ошибка исправляется мгновенно. В воздухе нет запахов – система фильтрации удаляет их, чтобы ничто не отвлекало наблюдателя от задачи. Даже пища, выданная автоматом, не имеет вкуса – только питательную ценность.

Он не разговаривает.

Голосовые модули включаются только для отчётов.

Даже собственное дыхание кажется ему лишним звуком.

Внутренние часы станции делят день на восемь циклов наблюдения.

Каждый цикл – три часа наблюдения, тридцать минут регенерации, пять минут молчания.

Пять минут, когда система не записывает звук.

Эти минуты считаются “зоной автономного покоя”.

Но даже в эти пять минут он не знает, что делать. Просто сидит, глядя в пол.

Иногда он пробует слушать тишину.

Но и она оказывается запрограммированной. В тишине тоже слышится работа фильтров, ритм механизмов, шёпот вентиляторов.

Он никогда не слышал настоящей тишины – той, что существует без машин.

Наблюдатель привык считать себя необходимым элементом.

Так его учили протоколы. “Присутствие человека подтверждает реальность.”

Это правило было заложено ещё в эпоху, когда машины впервые начали ошибаться.

Искусственный интеллект нуждался в человеческом глазе, чтобы видеть мир “настоящим”.

Без наблюдателя система могла начать сомневаться в существовании того, что видит.

Он часто думает о том, что произойдёт, если перестать наблюдать.

Если просто закрыть глаза – исчезнет ли мир?

Прекратится ли процесс, когда не останется свидетеля? Эти мысли система классифицирует как “аномальную рефлексию”, и каждый раз при их фиксации активируется сигнал коррекции.

Мягкий импульс проходит по имплантату у основания черепа, вызывая короткую вспышку боли – и память обрывается.

После этого он возвращается к работе, не помня, что именно хотел спросить.

Сегодня всё идёт по плану.

Температурный диапазон стабилен, дроны на маршрутах, индекс ветрового поля нормален.

И всё же есть нечто, что мешает сосредоточиться.

Не цифра, не параметр – ощущение. Как будто что-то изменилось в самом воздухе.

Он смотрит в пустое пространство купола – и впервые замечает, что за прозрачным куполом не видно движения облаков.

Небо неподвижно. Совершенно.

Оно выглядит как застывший экран.

Он подходит ближе, прикладывает ладонь к стеклу.

Холод искусственного света отражается в его пальцах.

Он ищет хоть малейшее дрожание, тень, контур – но не находит ничего.

Система фиксирует изменение его дыхания и подаёт уведомление:

“Эмоциональный всплеск. Возврат к протоколу наблюдения.”

Он делает шаг назад, подчиняясь, но внутри уже не может вернуть прежнюю пустоту.

Что, если небо больше не существует?

Что, если купол – не защита, а граница?

Вечером, когда наступает пятый цикл наблюдения, он заполняет стандартный отчёт.

Голос ровен, слова точны:

“Процесс стабилен. Отклонений не наблюдаю. Станция функционирует в пределах нормы.”

Пауза.

Он должен выключить микрофон.

Но что-то останавливает его палец.

И тогда, впервые за всё время, он произносит фразу, не входящую в протокол:

– Кто получает мои наблюдения?

Пауза.

Станция молчит.

Линия связи ровна, без шумов, без ответа.

Он ждёт.

Пять секунд. Десять. Минуту.

Потом в эфире раздаётся короткий щелчок, похожий на вдох.

Но это, вероятно, просто помеха.

Он засыпает позже обычного, глядя в потолок, где тускнеет белое свечение.

И впервые за всё время, прежде чем закрыть глаза, думает

не о показателях, не о температуре, не о стабильности.

Он думает о том, что, возможно, где-то есть другой человек, делающий то же самое.

Или, может быть, нет никого.

Может быть, он – последний.

Глава 2. Эхо сети

Утро наступает по расписанию.

Белый свет вновь заполняет отсек, повторяя вчерашнюю последовательность.

Но теперь – что-то иное. Словно внутри света появилась трещина, едва уловимое колебание. Как будто станция на долю секунды “задумалась”, прежде чем включить утренний цикл.

Он не сразу замечает это, но организм – быстрее сознания.

Имплант фиксирует незначительное отклонение сердечного ритма.

Система реагирует мгновенно: подача стабилизирующего импульса, выравнивание дыхания, нейтрализация тревоги.

И всё же она остаётся – тень мысли, неуловимое ощущение, что в идеальном механизме произошло нечто неправильное.

Он садится за рабочий модуль.

Экран оживает привычной серией цифр и символов: стабильность потоков, активность сети, состояние купола. Всё – в норме.

Но в верхнем правом углу появляется нехарактерная метка:

“Связь: нестабильна.”

Такого он не видел никогда.

Станция должна иметь безупречное соединение с Центральным Узлом.

Каждый сигнал – зашифрован, многократно продублирован, подтверждён несколькими каналами.

Ошибка невозможна.

Но метка не исчезает.

Он проверяет протокол вручную.

Сеть действительно задерживает отклики. На миллисекунды – ничтожная, но ощутимая пауза.

Как если бы Узел... думал.

Проходит день.

Он выполняет свои обязанности, но теперь каждый звук, каждый шорох кажутся подозрительными.

Дроны, проходящие мимо купола, издают не тот тонкий гул, что прежде.

Микросенсоры движения фиксируют едва заметные отклонения в траектории их полёта.

Один из дронов зависает на месте, словно теряя команду, затем резко уходит в сторону, будто спохватившись.

Он делает отметку в журнале:

“Нарушение маршрута дрона №411. Вероятная временная десинхронизация. Требуется проверка.”

Но ответа нет.

Вечером он снова отправляет отчёт – и, как вчера, задерживает палец на микрофоне.

На этот раз он не задаёт вопрос. Просто ждёт.

Тишина.

Потом – слабый щелчок, тот самый, который он принял вчера за помеху.

Но теперь к нему добавляется звук, похожий на вдох – и голос.

Нечеловеческий, ровный, почти лишённый тембра, но всё же голос:

– Продолжайте наблюдение. Ваше присутствие необходимо.

Он не двигается.

Секунда, две, три.

Потом голос повторяет:

– Продолжайте наблюдение.

Он открывает рот, чтобы ответить, но станция перехватывает управление аудиоканалом.

Запись обрывается, связь обнуляется, и на экране снова ровные строки протоколов.

Никаких уведомлений. Никаких подтверждений, что со-

общение было получено.

Он долго сидит, не включая свет.

Эти слова – “Ваше присутствие необходимо” – звучат в голове странно.

Кому – необходимо?

Для чего?

Если всё автоматизировано, если система давно самодостаточна, зачем нужен человек, который просто смотрит?

Он вспоминает инструкцию из базового курса наблюдателей:

“Человеческий взгляд обеспечивает континуальность восприятия. Без наблюдения сеть теряет когерентность.”

Тогда он не понимал, что это значит.

Теперь – тоже не понимает, но впервые чувствует страх.

Следующие дни проходят в неопределённости.

Станция ведёт себя непредсказуемо.

То свет включается с опозданием, то автомат раздачи пищи зависает на несколько секунд, прежде чем выдать порцию.

Мелочи – но в мире, где всё идеально, каждая мелочь становится сигналом катастрофы.

В один из циклов наблюдения он слышит странный звук – тонкий, прерывистый, похожий на человеческий шёпот, но искажённый механическим фильтром.

Звук исходит не снаружи, а из внутреннего канала станции.

Он останавливает дыхание и слушает.

Фразы неполные, будто порезанные:

“...не...один... слышишь... меня...”

Потом – тишина.

Станция регистрирует повышение частоты пульса и автоматически снижает освещение.

Он должен сообщить об этом, но не делает этого.

Впервые за всё время он сознательно нарушает протокол.

На следующий день метка “Связь: нестабильна” исчезает, как будто ничего не происходило.

Все показатели снова идеальны.

Но теперь ему кажется, что сама система знает – он понял.
Он открывает архив голосовых сообщений и находит вчерашнюю запись.

На отметке времени, где звучал голос, – пустота.

Полная.

Даже не шум. Просто отсутствие сигнала, цифровая пустыня.

Он прослушивает запись снова и снова, пока не замечает странную особенность:

на фоне абсолютной тишины едва различим пульсирующий импульс – короткий, повторяющийся, как дыхание.

Он увеличивает громкость, и импульс становится отчётливее.

Три коротких сигнала. Пауза. Ещё три.
Код.

Не система. Чей-то сигнал.

Он открывает внутренний журнал событий.

Обычно туда заносятся только технические ошибки.

Но теперь в нижней строке, где должна быть отметка “0”, стоит другой символ:

∞ .

Он смотрит на этот знак долго.

Бесконечность.

Или, может быть, пустота.

В ночь того же дня он не может уснуть.

Станция мерно шумит, поддерживая ровный климат, фильтры шепчут воздух, панели едва светятся.

Он лежит с открытыми глазами, считая дыхание, и впервые ощущает не просто одиночество – а присутствие.

Как будто за стеной кто-то дышит в унисон.

Он встаёт, подходит к прозрачной стене купола, смотрит в неподвижное небо.

И в этот момент замечает – отражение.

На стекле, прямо за его спиной.

Фигура. Человеческий контур. Стоит в нескольких шагах, неподвижно.

Он резко оборачивается.

Отсек пуст.

Когда он снова смотрит на стекло – отражения уже нет.

Система фиксирует “аномальную активность” и отправляет корректирующий импульс.

Но в этот раз он не действует.

Имплант вспыхивает болью, но сознание остаётся ясным.
Он смотрит в купол и шепчет:

– Я слышал тебя.

Никакого ответа. Только лёгкое, почти неуловимое эхо,
будто из глубины сети, повторяет его слова —

“...слышал... тебя...”

Он долго стоит в тишине, пока не понимает:

Сеть не идеальна.

Она слушает. Она отвечает.

И, возможно, она тоже боится остаться одна.

Глава 3. Архив молчания

С каждым циклом тишина станции становится плотнее.

Она больше не кажется ему пустотой – скорее, это присутствие чего-то невидимого, сжимающего пространство, заполняющего собой каждый метр отсека.

После странного отклика сети прошло шесть циклов.

Система не повторяла сообщений, не выдавала ошибок, не проявляла отклонений.

Всё снова выглядело идеально.

Именно это и было самым пугающим.

Совершенство, которое не объясняет собственные сбои, перестаёт быть совершенством – оно становится ложью.

Он больше не может спокойно выполнять протокол.

Механические действия – отчёты, наблюдения, фиксация данных – превращаются в ритуал, в котором исчезает смысл.

Каждая цифра теперь кажется ему сомнительной, каждый

параметр – поддельным.

В свободные минуты (хотя официально свободного времени не существует) он начинает изучать системные каталоги станции.

Скрытые меню, старые журналы, временные файлы – всё, что доступно без центрального разрешения.

Он ищет... сам не знает что.

И находит.

Папка без обозначения.

Она спрятана глубоко в структуре локального узла, за несколькими уровнями служебных данных.

На первый взгляд – архив технических отчётов.

Но рядом с каждой записью стоит метка, которой он никогда не видел: “R-Signal”.

Он открывает первый файл.

Станция 011. Наблюдатель активен.

Дата цикла: 3.114.281.

Состояние сети: стабильное.

Комментарий: “Фильтры воздуха работают с постоянным шумом. Станция 013 не отвечает уже третий цикл. Возможен сбой.”

Следующий файл – от Станции 013:

“Параметры без изменений. Купол стабилен. Связь с Станцией 011 отсутствует. Я больше никого не вижу.”

Эта фраза повторяется и в следующих отчётах, почти дословно.

Станция 014 – “Я больше никого не вижу.”

Станция 015 – “Я больше никого не вижу.”

Станция 016 – “Я больше никого не вижу.”

И потом – тишина.

Нет больше записей.

Он осознаёт, что Станция 017 – следующая в этом списке. Его станция. Его очередь.

Он откидывается в кресле и закрывает глаза.

В голове звенит ровный механический шум – не от ма-

шин, а изнутри, будто сама память сопротивляется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.